

Ева Мещерякова

**Семь
писем**

Ева Мещерякова

Семь писем

«Автор»

2026

Мещерякова Е.

Семь писем / Е. Мещерякова — «Автор», 2026

Частный детектив Вера Соколова получает конверт без обратного адреса. Внутри — старая фотография и записка: «Двадцать лет назад вы ошиблись. Я даю вам шанс исправить это. Семь писем. Семь дней. Если не разгадаете — умрёт человек». Через час находят труп. В руке убитого — такое же письмо. Вера начинает расследование, которое ведёт её в прошлое: летний лагерь, давняя смерть, замолчанная правда. Каждое письмо — новая улика и новая ложь. А отправитель всегда на шаг впереди. Разгадывайте вместе с Верой. В конце каждой главы — сводка фактов и вопрос, на который можно ответить раньше героини. Но будьте внимательны: не всё, что кажется уликой, ею является. Разгадка не в том, кто убил. Разгадка в том, кто промолчал.

© Мещерякова Е., 2026

© Автор, 2026

Ева Мещерякова

Семь писем

Глава 1. Конверт

Конверт лежал под дверью, когда Вера вышла за газетой.

Она заметила его сразу — белый прямоугольник на тёмном коврикe, слишком аккуратный для рекламной листовки, слишком плоский для посылки. Вера наклонилась, подняла. Бумага была плотная, дорогая, без единой помарки. Ни штампа, ни обратного адреса. Только её имя, написанное от руки: «Вере Соколовой». Почерк ровный, почти каллиграфический, будто писавший специально старался не выдать ни возраста, ни пола.

Она вернулась в квартиру, бросила газету на тумбочку и села на кухне, не включая свет. За окном ещё серело — сентябрьское утро, сырое и серое, как невытая простыня. Дождь шёл всю ночь и не собирался заканчиваться. Капли стучали по жестяному откосу, и от этого звука в голове становилось пусто и спокойно.

Вера повертела конверт в руках. Никаких следов клея, никаких отпечатков. Только бумага и чернила. Она поднесла его к настольной лампе, посмотрела на свет — внутри угадывался прямоугольник, что-то плотное. Не деньги. Скорее фотография.

— Ну и ладно, — сказала она вслух, хотя не любила говорить сама с собой.

Вскрыла ножом для масла — аккуратно, по краю, стараясь не повредить бумагу. Профессиональная привычка: сохранять всё, как есть. Внутри оказалась фотография и сложенный вдвое лист.

Фотография была старая. Глянцевая, с белой рамкой по краю, какие печатали в девяностых и нулевых, когда плёнку ещё сдавали в киоски. На ней — пятеро подростков на фоне сосен. Летний лагерь, судя по вывеске за спинами: «Сосновый бор». Лица смазанные, контрольный свет, солнце бьёт прямо в объектив. Разглядеть можно только силуэты: три девочки, два мальчика. Одну фигуру — крайнюю справа — будто кто-то обвёл ногтем, но след давно стёрся.

На обороте — выцветшая надпись шариковой ручкой: «Июль 2004. Последний день».

Вера перевернула лист.

Текст был короткий. Всего три строки.

«Двадцать лет назад вы ошиблись. Я даю вам шанс исправить это. Семь писем. Семь дней. Если не разгадаете — умрёт человек, и это будет на вашей совести».

Вера перечитала дважды. Потом ещё раз.

Она отложила письмо, встала, налила воды. Руки не дрожали — она заметила это с холодным удовлетворением. Профессиональная привычка: сначала зафиксировать своё состояние, потом всё остальное. Пульс ровный. Дыхание ровное. Мысли — пока никаких.

Двадцать лет назад. В 2004-м ей было четырнадцать. Она не работала, не расследовала, не подписывала бумаг. Она была ребёнком. Какая ошибка?

Вера села обратно, взяла фотографию, поднесла к лампе. Пятеро. Лагерь. «Последний день». Что за последний день? Смены? Или чей-то конкретно?

Она попробовала вспомнить, была ли она сама в «Сосновом бору». Нет. Летом 2004-го она ездила к бабушке в Тверскую область, помогала чистить яблоки и читала детективы, которые тайком брала у соседки. Лагерь — не её история. Но письмо говорило «вы ошиблись». Не «ты». Это тоже деталь. Может, отправитель обращается не лично к ней, а к системе, к профессии, к тем, кто когда-то закрыл дело?

Она посмотрела на часы. Восемь двадцать. Через десять минут ей звонить клиенту — скучное дело о пропавшем коте, которое она взяла только ради гонорара. Вера потянулась к телефону, чтобы отменить, и в этот момент он зазвонил сам.

На экране — «Громов».

Она знала Громова двенадцать лет. Следовательно, с которым они когда-то вместе работали, пока Вера не ушла из органов. Он звонил редко и только по делу. Никогда — просто поболтать.

— Соколова, — сказал он, не здороваясь. — Ты дома?

— Дома.

— Хорошо. Слушай. Тут труп нашли. Мужчины, сорок один год. И знаешь, что интересно? В руке у него письмо. Без адреса. И на конверте — твоё имя.

Вера молчала. В трубке шуршало — Громов курил, прикрывая микрофон ладонью.

— Ты меня слышишь?

— Слышу, — сказала она. — Адрес какой?

— Улица Полевая, четырнадцать. Квартира шесть. Это его квартира. Хозяин — Лунёв Марк Андреевич. Работал вроде бы в школе. Ты его знаешь?

Вера посмотрела на фотографию. На сосны. На смазанные лица.

— Нет, — сказала она. — Не знаю.

Это была правда. Но она уже понимала: сейчас начнётся.

— Приезжай, — сказал Громов. — Тут что-то странное. Конверт запечатан, никто не вскрывал. А на письме внутри — только одна фраза.

— Какая?

— «Первый из пяти».

Вера положила трубку. С минуту сидела неподвижно, глядя на своё письмо — то, которое получила сама. Потом встала, надела куртку, сунула фотографию и лист во внутренний карман. Уже в дверях обернулась, посмотрела на кухню — на стол, где остался лежать конверт.

Она вернулась и забрала его. Не потому, что боялась оставить. Потому что понимала: отправитель знает её адрес. И, возможно, не только его.

На лестнице пахло сыростью и кошками. Вера спустилась, вышла под мелкий дождь, села в машину. Завела двигатель. Дворники смахнули воду, и на секунду мир стал чётким.

«Первый из пяти».

Значит, будет ещё четыре.

Она включила передачу и поехала.

Дорога до Полевой заняла двадцать минут. Вера ехала медленно, привычно сканируя улицы — не из паранойи, а из старой привычки: запоминать, что вокруг. Двор, в котором стояла чужая машина с приоткрытым окном. Женщина с собакой, которая смотрела не на собаку, а на дом напротив. Мальчик на самокате, замерший у витрины.

Она не думала о письме. Специально. Пусть отлежится. Она вернётся к нему, когда увидит труп.

Дом на Полевой был старый, пятиэтажный, с облупившейся штукатуркой и запахом подъезда, который не меняется десятилетиями. У квартиры номер шесть стояли двое в форме. Громов ждал на лестничной площадке — высокий, сутулый, в мятом пальто, с сигаретой за ухом.

— Быстро ты, — сказал он.

— Ты сказал «странное». Я любопытная.

Громов хмыкнул, отступил, пропуская её в квартиру.

Внутри пахло пылью и чем-то кислым — застоявшимся запахом одинокого жилья. Не бедность, а именно запущенность: книги на полках, старый диван, чашка на столе с недопитым чаем. И тишина, которая бывает только там, где давно никто не смеялся.

Тело уже осматривали. Мужчина лежал на полу в комнате, лицом вверх, глаза открыты. Не молодой, не старый — сорок один, как сказал Громов. Обычное лицо, какие бывают у учителей, библиотекарей, бухгалтеров: чуть усталое, чуть незаметное. На левой руке — часы. На правой, сжатой в кулак, — конверт.

Вера присела на корточки, не касаясь. Посмотрела на конверт. Точно такой же, как её: плотная бумага, никакого адреса. Только на этот раз имя было другим.

— Он его держал, — сказала она. — Сжал перед смертью. Значит, успел прочитать.

— Или не успел, — возразил Громов. — Может, только взял в руки.

— Нет. — Вера покачала головой. — Конверт запечатан, ты сказал. Если бы он его не вскрыл, как в руке оказалось письмо?

Громов замолчал. Потом кивнул.

— Ладно. Умная. Что ещё видишь?

Вера обвела взглядом комнату. Стол. Книги. Окно, выходящее во двор. На подоконнике — три кактуса в горшках, аккуратно политых. На стене — календарь с отмеченными датами. Она подошла ближе.

В календаре был обведён кружком один день — вчерашний. И рядом приписано от руки: «С. Б. 16:00».

— «С. Б.», — прочитала Вера вслух.

— Сосновый бор? — предположил Громов за спиной.

Вера не ответила. Она смотрела на календарь и думала о фотографии в своём кармане.

— Где письмо? — спросила она.

Громов протянул ей прозрачный пакет. Внутри — лист, сложенный вдвое. Вера развернула его через пакет, прочитала. Одна строка, тот же каллиграфический почерк:

«Первый из пяти».

— И всё? — спросила она.

— Всё. Ни подписи, ни угроз. Просто «первый из пяти».

Вера выпрямилась. Посмотрела на мёртвого мужчину. На его спокойное лицо. На сжатый кулак.

— Он знал, что умрёт, — сказала она тихо.

— С чего ты взяла?

— Потому что письмо в руке — это не угроза. Это метка. Отправитель пришёл к нему, дал прочитать и убил. Не наоборот. Он не боялся, что Лунёв позовёт на помощь. Он хотел, чтобы тот успел понять.

Громов смотрел на неё, прищурившись.

— Ты что-то знаешь, — сказал он. Не спросил.

Вера достала из кармана своё письмо. Молча протянула.

Громов прочитал. Перечитал. Потом посмотрел на неё.

— Семь писем, — сказал он. — Семь дней. И тут «первый из пяти». Это как понимать?

— Не знаю, — сказала Вера. — Пока не знаю.

Она ещё раз обвела взглядом комнату. На секунду ей показалось, что где-то здесь есть ещё одна деталь, которую она упускает. Что-то важное. Но взгляд ни за что не цеплялся.

— Мне нужно уйти, — сказала она.

— Соколова...

— Я вернусь. Дай мне сутки.

Громов хотел что-то сказать, но только махнул рукой.

Вера вышла из квартиры, спустилась по лестнице, села в машину. Достала фотографию, посмотрела на пятерых подростков. Потом на календарь, который только что видела. Потом на своё письмо.

«Семь писем. Семь дней».

Она завела двигатель. Дождь усилился, и двор за окном расплылся в серое пятно.

«Первый из пяти».

Значит, ещё четверо.

Она поехала домой — писать.

Сводка для читателя

Что мы знаем:

1. Вера Соколова получила конверт без обратного адреса. Внутри — старая фотография (летний лагерь «Сосновый бор», июль 2004, надпись «Последний день») и письмо.

2. В письме сказано: двадцать лет назад Вера ошиблась. Ей дают семь дней и семь писем, чтобы исправить это. Иначе умрёт человек.

3. Через час звонит следователь Громов: найден труп мужчины. В руке — письмо с именем Веры на конверте.

4. Убитый — Марк Андреевич Лунёв, 41 год, работал в школе.

5. На письме в руке убитого — фраза «Первый из пяти». Конверт был запечатан, но Лунёв успел прочитать — он сжимал письмо в кулаке.

6. В квартире Лунёва на календаре обведён вчерашний день и приписка: «С. Б. 16:00». Возможно, «Сосновый бор».

7. Вера утверждает, что не знает Лунёва. Это правда — но она уже понимает, что дело связано с её прошлым.

Вера сама не была в «Сосновом бору» в 2004 году — она была у бабушки в Тверской области.

Открытые вопросы:

1. Что за ошибка двадцать лет назад, если Вере было четырнадцать?

2. Кто эти пятеро на фотографии? Кто из них Лунёв?

3. Почему на письме убитого написано «Первый из пяти», а Вере пришло «Семь писем»? Это одна серия или две разные?

4. Что означает «С. Б. 16:00» в календаре Лунёва? Он собирался куда-то пойти или кого-то встретить?

5. Кто отправитель и откуда он знает адрес Веры?

Вопрос к вам, читатель:

Вера сказала Громову, что не знает Лунёва. Как вы думаете — она сказала правду? И если да, то почему отправитель выбрал именно её?

Запишите свою версию — в следующей главе Вера озвучит свои выводы, и вы сможете сравнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.